

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

УДК 327(470.6)

К. Р. Амбарцумян

КАВКАЗ КАК ОБЪЕКТ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ИССЛЕДОВАНИЯХ В. В. ДЕГОЕВА

В статье анализируется кавказский дискурс В. В. Дегоева. Ученый, обратившись к Кавказу в контексте международной политики Российской империи, обосновывает закономерность присоединения региона. На примере анализа ряда работ В. В. Дегоева автор статьи демонстрирует теоретическую и практическую значимость обращения.

Ключевые слова: кавказоведение, В. В. Дегоев, Северный Кавказ, международные отношения, Российская империя.

К. R. Ambartsumyan

THE CAUCASUS AS AN OBJECT OF INTERNATIONAL RELATIONS IN RESEARCH WORKS BY V. V. DEGOEV

The article deals with the Caucasian discourse of V.V. Degoev. The scholar addresses the Caucasus in the context of international policy of the Russian Empire and provides arguments for justification of joining the region to the Russian Empire. Having analyzed

a number of the scholar's works the author shows theoretical and practical significance of V. V. Degoev's studies.

Key words: the Caucasus studies, V. V. Degoev, the North Caucasus, international relations, the Russian Empire.

Актуализация проблемы Кавказа как объекта внешней политики России имеет несколько оснований. С одной стороны, смена методологических парадигм и неэффективность традиционных подходов требует переосмысления, казалось бы, уже изученных исторических сюжетов. С другой – сама современная реальность диктует необходимость теоретической и историографической рефлексии и новой трактовки событий прошлого. Таким стимулирующим моментом стала динамичность международного контекста России конца XX – начала XXI вв. Геополитические и социально-политические сложности сегодняшнего дня провоцируют дискуссии как среди политиков, так и среди ученых-гуманитариев.

В этой связи при попытке решить наиболее острые проблемы современности ареной столкновений становится не только идеологическое пространство сегодняшнего дня, но и собственно историческое прошлое.

Обладая уникальностью геополитического, политического, социокультурного и хозяйственного положения, Кавказ представляет собой некую микромодель мира, в котором границы и мосты во всех этих сферах переплетаются в сложнейший исторический социальный и геополитический узел. В этом контексте данный регион как точка соприкосновения международных интересов стран Запада и Востока представляет особое исследовательское пространство истории международных отношений,

о чем свидетельствует и история изучения кавказской тематики зарубежными и отечественными историками и политологами.

Обращение к современному состоянию кавказоведения позволяет увидеть многообразие исследовательских практик истории Кавказа как объекта международных отношений. Надо заметить, что кавказоведение как направление в рамках зарубежной науки имеет развитую организационную структуру. Так, в структуре Сент-Эндрюсского университета (Шотландия) (University of St. Andrews) имеется Институт исследований Центральной Азии, Ближнего Востока и Кавказа (Institute of Middle East, Central Asia and Caucasus Studies) [3]. Масштабную научно-исследовательскую организацию представляет собой трансатлантический центр – Институт Центральной Азии и Кавказа и Программы изучения Шёлкового пути (Central Asia – Caucasus Institute and Silk Road Studies Program) [2]. Центр имеет офисы в Стокгольме и Вашингтоне. Деятельность учреждения носит не только исследовательский, но и политический характер [4]. Генеральным направлением Американского исследовательского института Южного Кавказа (American research institute of the South Caucasus) Университета Индианы (Indiana University, Bloomington) стало Закавказье [1]. Всего лишь несколько ярких примеров свидетельствуют о повышенном интересе мирового научного и политического сообщества к Кавказу. Регион в полной мере может быть назван объектом применения междисциплинарности в международном научном пространстве.

Российское социогуманитарное знание имеет давнюю традицию кавказоведения. Это не удивительно, т. к. Россию с Кавказом связывают исторические, культурные, геополитические отношения. Из этого проистекает перспективность и актуальность исследований. Очевидна и необходимость дальнейшего развития и расширения научной инфраструктуры не только в России в целом, но особенно в научно-образова-

тельных учреждениях СКФО, где научная необходимость дополняется потребностями развития региона.

Важным аспектом развития кавказоведения является интеллектуальная история, в частности научные коммуникации и историографические проблемы истории региона. В этом контексте представляют особый интерес труды известного русского кавказоведа, политолога и историка Владимира Владимировича Дегоева. Его исследовательский опыт особенно важен в современных международных условиях, и особенно в связи с усилением русофобских настроений среди отдельных представителей международного сообщества.

Важным мотивационным моментом обращения к текстам В. В. Дегоева является то, что учёный демонстрирует многофакторность российского присутствия на Кавказе, основанного далеко не только на экспансионистских имперских устремлениях. Исследования отличает фундированность источниками самого разного плана – от официальных договоров до эпистолярная. Сложность региона и хитросплетения международных отношений породили комплексность и многоаспектность изучения проблемы. Подробно остановимся на таком направлении штудий исследователя, как история Кавказа в системе международных отношений в период становления российской государственности в кавказском макрорегионе.

В монографии «Кавказский вопрос в международных отношениях 30–60-х годов XIX вв.» [6] автор останавливается на проблеме региона в контексте русско-турецкого и русско-английского соперничества. Обострившись в 30-е годы, кавказский вопрос, по мнению ученого, утратил статус международного в 60-е годы XIX века. В общем-то, речь идет о Северо-Западном Кавказе – территории повышенной международной активности в рассматриваемый период. Вокруг этой части кавказского региона и конструируется сложная ситуация с меняющейся в нем расстановкой сил.

Во введении подчеркивается, что событий Кавказской войны автор касается в связи с их значимостью для рассматриваемого вопроса. Таким образом, эта часть истории российско-кавказских отношений становится очередной вехой и лишь одной стороной присутствия России на Кавказе. Расстановка приоритетов является исторически и научно обоснованной, так как Кавказская война – это яркая, значимая, интересная, но не единственная страница истории вхождения региона в состав Российской империи. В то же время нельзя не признать, что эта война оказала воздействие на положение Кавказа как объекта международного влияния. Как отмечает исследователь, Англия получила возможность скрывать свои «экспансионистские цели под ликом «свободы» [6, с. 174], поэтому отмечается разгар разведывательной деятельности поддерживаемой и инициируемой британскими властями. После завершения Крымской войны и в последние годы Кавказской войны возникла необходимость скорректировать способы влияния. В этом контексте особое звучание приобретает проблема оценок горцами Северо-Западного Кавказа деятельности России и Англии.

Исходя из восприятия региона, естественная нестабильность которого основана на «пестрой и многосоставной мозаике» и постоянной «проблеме взаимной адаптации» [7], В. В. Дегоев неоднократно демонстрирует зыбкость и непоследовательность позиций местных элит в отношении других держав. Например, в 30-е годы XIX века британские эмиссары сталкивались с недоверием, и англичанам «приходилось преодолевать тягу горцев к мирным отношениям с Россией, развитию общения во всех сферах жизни, и, главным образом, во взаимовыгодной торговле» [6, с. 52].

Определенный урон престижу Англии в черкесском обществе нанесло скандальное дело «Виксена», когда Россия задержала английское судно в районе нынешнего Новороссийска. Так, местный князь Хаджи-Оглу Мансур был разочарован и усомнился в британском могуществе [6, с. 53]. А в 40-е

годы XIX века влияние России усилилось, особенно к ней благоволили натухайцы и шапсуги. В качестве движущих сил этого процесса В. В. Дегоев называет несколько факторов. Во-первых, политика социального лавирования со стороны России – предоставление жалований, званий, торговых льгот. Во-вторых, торжество деспотической власти Шамиля вызывало у черкесов большие опасения, нежели власть русского царя. В-третьих, прочная связь с англичанами была экономически нецелесообразна, так как последние могли запретить такую важную статью дохода местных властителей, как работоторговля. Наконец, отношения с турками местные элиты предпочитали лимитировать на уровне религиозных и экономических отношений, тогда как политическое господство исключалось [6, с. 70]. С другой стороны, автор не стремится и идеализировать тяготение к России, полагая, что оно не было универсальным и устойчивым явлением [5, с. 21].

Таким образом, ученый воссоздает исторически сложившуюся ситуацию, сложную и неоднозначную, в которой включение региона в состав России далеко не всегда было основано на сопротивлении автохтонного населения. Сбалансированность в реконструкции внешнего контекста и внутреннего положения в Северо-Западном Кавказе позволила сделать определенные выводы о влиянии иностранных держав на складывание государственности у горцев. Для британских представителей в регионе формирование единого государства приравнивалось к созданию креатуры, которая приблизится к уровню цивилизационного развития Англии. Главной целью автору видится достижение понимания, а также возможность манипуляции, так как с догосударственными обществами наладить диалог и достигнуть гарантированных договоренностей не удавалось. Анализируя позиции держав в 1850-е годы, В. В. Дегоев пишет об обратном результате влияния Турции, нанесшей урон процессу формированию государств.

Конструирование образа Кавказа в международном пространстве происходит при помощи воссоздания сложной ситуации вокруг региона и освещения интересов и способов их реализации каждой из сторон, вовлеченных в так называемый «кавказский вопрос». Одним из таких участников была консервативная польская эмиграция, стремившаяся использовать кавказские народы в своих целях, главной из которых было восстановление независимой монархической Польши [5, с. 71]. Позицию польских эмигрантских центров умело использовали и Турция, и Англия.

Если рассматривать научные труды В. В. Дегоева в дискурсивном единстве, то очевидна целостность Кавказа в его многообразии. Положение в международном контексте как раз и выявляло моменты различий в развитии отдельных частей. Закавказье в этом случае, состоящее из «царств», «княжеств», «ханств», в меньшей степени было объектом влияния, нежели раннеполитические и догосударственные образования Северного Кавказа [5, с. 12]. В основе такой специфики, по мнению автора, лежит не столь выраженное разнообразие этническое, политическое, экономическое и т. д., что давало возможность стремиться к статусу субъекта в международных отношениях. Другой вопрос в том, что зачастую эта субъектность была иллюзорной на фоне действий более сильных держав. Относительная упорядоченность здесь достигалась за счёт наличия крупных этнических составляющих: грузинского, армянского и тюркского [9, с. 437].

Интересно сравнение политических стратегий России, реализуемых на Северном Кавказе и Закавказье. Не столь болезненная инкорпорация объясняется В. В. Дегоевым большей формационной развитостью Закавказья, принципиально отличающегося от Северного Кавказа. В Северо-Кавказском регионе русское правительство не учитывало локальные особенности и решило «попросту разорвать мечом гордые узлы горской политики» [8, с. 334], и после Кавказской войны все местные тонкости, проигнорированные ранее, станут внутренним делом России.

Перелом в пользу России в Закавказье произошел в XVIII веке. Используемая метафора «большая игра» применительно к Кавказу подчеркивает как количество участников международных отношений, так и противоречивость и неоднозначность процессов. Сложность ситуации заключалась в активной позиции не только трех стран-соперниц (России, Ирана, Турции), но и местных царств, ханств и горских обществ. Хотя в конечном итоге им «пришлось сделать четкий внешнеполитический выбор». Таким активным участником «большой игры» на Кавказе была Грузия, активность которой определяла личность Ираклия II, мечтавшего о «Великой Грузии». В. В. Дегоеву претензии и проекты Ираклия II представляются незаурядными, но утопичными [9, с. 439], невзирая на то что Картли-Кахетия в регионе была единственным сильным государственным образованием. Отдельной сюжетной линией выстраивается позиция Ираклия. Как политическую фигуру автор сравнивает его с «эдаким колоссом на глиняных ногах» [5, с. 25], который лавировал между Россией, Ираном и Турцией. Сложность внутреннего положения и опасное внешнее окружение толкали его на поиск союзника, в этом непрестом деле он обретает статус «вассала-империалиста» [5, с. 25], так как попадает в зависимость от Турции, но не расстается с мечтами о грузинской «империи». Ученому представляется, что исчерпание реальных и потенциальных преимуществ этого союза, а также активизация феодальной оппозиции вынуждают Ираклия в конце XVIII века обратиться, наконец, к России. Причем мотивацию Екатерины II, пошедшей ему навстречу, он видит именно в геополитическом ключе, а не в религиозном и гуманистическом. Хотя второй, казалось бы, лежит на поверхности.

Хрестоматийный Георгиевский трактат анализируется В. В. Дегоевым в связи с надеждами, возлагаемыми на него с обеих сторон. Для России это был шаг в сторону упрочнения влияния в Закавказье, для Ираклия – это средство защиты и в то же время способ достижения своих экспансион-

нистских устремлений. В качестве аргумента приводится самостоятельная внешняя политика Картли-Кахетии, даже более активная, чем ранее. В целом, восстанавливаемая историческая канва заключенного в 1783 году Георгиевского трактата такова, что позиции России в Закавказье подверглась риску. Исследователь, рассматривая русско-грузинский союз, полагает, что именно религиозный подтекст усилил осторожность мусульманских правителей и обострил кризис в регионе.

Критически В. В. Дегоев относится к исследованиям, которые трактуют политику Павла I как антитезу завоевательным планам Екатерины II. Позиция по этому вопросу отличается взвешенностью, благодаря избеганию увлеченности историографическими стереотипами. Иное восприятие личности императора, детальное знание обстановки в Закавказье позволили иначе трактовать уход русских войск с новых позиций. Павла I больше тревожило западное направление внешней политики в России, в этой связи это была попытка избежать осложнений на Востоке. Но убедившись, что кавказские проблемы не поддаются «длительному замораживанию» [5, с. 50], он издал манифест о присоединении Картли-Кахетии к Российской империи.

Еще одно принципиальное различие Закавказья и Северного Кавказа просматривается в трудах В. В. Дегоева – достижение перевеса России преимущественно посредством дипломатии [5, с. 51]. Это одна из причин, почему аналогов Кавказской войны в Закавказье не случилось.

Возрастание геополитического значения Кавказа учёный фиксирует на рубеже XIX–XX вв., нефтяные ресурсы превратили его в зону экономического соперничества держав [5, с. 336]. В условиях Первой мировой войны «интернационализация» кавказского вопроса происходит в новых условиях и на новом уровне. И снова, обращаясь к событиям начала XX века, В. В. Дегоев подчеркивает особые позиции России в Закавказье, особенно в сравнении с Польшей, Прибалтикой и Финляндией.

Он настаивает на том, что, невзирая на противостояние в ставшем уже традиционным треугольнике «Россия – Турция – Иран», антирусские настроения среди населения не были столь сильны, чтобы спровоцировать отделение. То есть историк в очередной раз переориентирует внимание на внутреннее состояние региона. И еще один момент, который, по мнению автора, следует учитывать относительно послереволюционного периода. Коммунизм вызывал симпатии и поддержку у населения Закавказья. Поэтому процесс «реставрации империи» был относительно безболезненным [9, с. 445].

Кавказоведческий исследовательский опыт В. В. Дегоева можно кратко охарактеризовать его же мыслью: «Нет никакого смысла наводить глянец на историю русско-кавказских отношений». Глянца в научной практике В. В. Дегоева мы не увидим, но рефреном во всех работах звучит мысль о том, что присутствие России в регионе основано в первую очередь на наличии пророссийской ориентации среди части населения. Вполне логичным выглядит утверждение исследователя о столкновении разных цивилизационных систем, при котором происходит как отторжение, так и приспособление. Методологически удачным в контексте исследовательских подходов новой локальной истории представляется суждение о недопустимости использования в исследовательских практиках оппозиции «жесткое завоевание – добровольное присоединение» [5, с. 21]. В таком случае теряется то, что находится между этими двумя крайностями, а именно сложный и противоречивый опыт взаимодействия.

Таким образом, обращение к кавказоведческому наследию В. В. Дегоева имеет как теоретическое, так и практическое значение. Важным теоретическим тезисом ученого, представлявшим опору для изучающих Кавказ в контексте международной политики, стало признание одновременного единства и многообразия этого региона. В кавказских границах мы находим пространство местных и локальных сообществ, отличавшихся социокультурной, этнокон-

фессиональной, экономической уникальностью и в то же время объединенных одной исторической судьбой, геополитическим положением, культурным вектором. Именно эта особенность Кавказа определяла его состояние как объекта международной политики. Регион на протяжении своего существования был полем столкновения различных внешних интересов, т. к. манил возможностями укрепить собственные государственные позиции за счет стран и цивилизаций, находившихся по другую сторону Кавказа.

В то же время Российская империя могла противостоять этим силам на Юге, только обеспечив свое влияние на Кавка-

зе. В. В. Дегоев продемонстрировал свободу от формальных схем и идеализации истории Российского государства на Кавказе в системе межгосударственных отношений, т. к. профессионально основывает свои исторические построения на основе глубокого и объемного изучения многообразных источников. Вместе с тем ученый не скрывает свою пророссийскую позицию, убедительно раскрывая значительную роль Кавказа в российской внешней политике и доказывая при всех издержках истории присоединения Кавказа целесообразность утверждения позиций Российского государства в регионе в контексте международного спора держав.

Литература

1. American research institute of the South Caucasus [Electronic resource]. URL: http://arisc.org/?page_id=2 (Accessed: 28.09.2014).
2. Central Asia – Caucasus Institute and Silk Road Studies Program [Electronic resource]. URL: <http://www.silkroadstudies.org/new/index.htm> (Accessed: 28.09.2014).
3. Institute of Middle East, Central Asia and Caucasus Studies [Electronic resource]. URL: <http://www.st-andrews.ac.uk/intrel/mecacs/> (Accessed: 28.09.2014).
4. Гулевич В. Новый «Шёлковый путь» в обход России [Электронный ресурс]. URL: <http://interaffairs.ru/read.php?item=8848> (Дата обращения: 28.09.2014).
5. Дегоев В. В. Борьба за господство в Закавказье (вторая половина XVIII века) // Большая игра на Кавказе. – М.: Русская панорама, 2003.
6. Дегоев В. В. Кавказский вопрос в международных отношениях 30–60-х годов XIX века. – Владикавказ: Изд-во СОГУ, 1992.
7. Дегоев В. В. На Кавказе всегда понимали и понимают, когда государство ведет себя как государство [Электронный ресурс]. URL: <http://www.regnum.ru/news/polit/1202044.html> (Дата обращения: 03.10.2014).
8. Дегоев В. В. Региональные угрозы глобальному порядку (Кавказ в международно-геополитической системе XVI–XX вв.) // Большая игра на Кавказе. – М.: Русская панорама, 2003.
9. Дегоев В. В. Россия и Закавказье: блеск и нищета исторического опыта // Большая игра на Кавказе. – М.: Русская панорама, 2003.